

Кусов Геннадий Владимирович

МНОГОЛИНЕЙНОСТЬ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Статья раскрывает многолинейность предмета исследования в теории судебной лингвистической экспертизы - науки о языке и праве.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 127-132. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Для того чтобы решить проблему образованности кадров стали организовывать различные курсы и открывать среднепрофессиональные и высшие учебные заведения, изучающие страховое дело. Всем студентам техникумов и институтов платили стипендию из средств Госстраха.

В период с 1921 по 1928 гг. проводились различные мероприятия, направленные на то, чтобы страховые органы были укомплектованы достаточным количеством профессиональных сотрудников. Однако не всегда действия руководства Госстраха и партийных органов были согласованы, к тому же, были неизбежны ошибки переходного периода. Тем не менее, нельзя не отметить, что всего через несколько лет после начала формирования государственной монополии на страхование кадровый вопрос потерял прежнюю остроту.

Список литературы

1. Галагуза Н. Ф. Страховые посредники. М., 1998.
2. Горохов В. И. Страхование жизни // Беднота. 1926. 27 ноября.
3. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-870. Оп. 2.
4. Морозов В. С. Волисполкомы в советском страховании // Вестник государственного страхования. 1924. № 24.
5. Пять лет государственного страхования в СССР. М., 1927.
6. Розеноер С. М. Д. И. Ефремов и советское страхование. М., 1925.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7625. Оп. 23.
8. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1.
9. Свод распоряжений Главного правления Госстраха. М., 1926.
10. Серебровский В. И. Очерки советского страхового права. М., 1926.
11. Тагнев Г. М. Развитие государственного страхования в СССР (1917-1977). М., 1978.

INSURANCE AGENCIES STAFFING UNDER STATE INSURANCE MONOPOLY FORMATION CONDITIONS

Yuliya Gennad'evna Kuraeva
Department of Russian State History
Moscow State University
amtulka@mail.ru

The author describes insurance agencies staffing under state insurance monopoly formation conditions in the period from 1921 till 1928, pays special attention to the problems associated with insurance agents' insufficient education, staff turnover and the activities intended to solve these problems, and tells about D. I. Efremov's activity – the first State Insurance Agency chairman.

Key words and phrases: insurance; agents; staff; insurance agencies; state insurance monopoly; State Insurance Agency.

УДК 643.9

Статья раскрывает многолинейность предмета исследования в теории судебной лингвистической экспертизы – науки о языке и праве.

Ключевые слова и фразы: экспертология; судебная лингвистическая экспертиза; имплицатуры языка; скрытый смысл; концепт; дискурс; маркеры языка; фазовая неустойчивость семантических единиц.

Геннадий Владимирович Кусов, к. филол. н.
Кафедра политологии и права
Кубанский государственный технологический университет
belokurs@yandex.ru

МНОГОЛИНЕЙНОСТЬ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ©

В настоящее время в теории судебной лингвистической экспертизы установилось мнение «о двунаправленной детерминации экспертной деятельности лингвиста» [6]. Научный поиск в области судебной лингвистической экспертологии наталкивается на отсутствие общей теории, которая однозначно удовлетворяла бы профессиональные запросы правоприменителя и эксперта-лингвиста. Исследования проблем лингвистической экспертологии (Баранов, Бринев, Галяшина, Голев, Осадчий и др.) позволили выделить области экспертной деятельности, где методы гносеологической доступности языкознания достигают максимума противоречий с нормами материального и процессуального права. Действительно, однолинейная система (да/нет) оценки доказательств в праве вызывает недоумение филологов, «стремящихся учесть все нюансы и тонкости текста, неединственность миров, возникающих при возможных его толкованиях» [4] и усматривающих в этом эпистемологический тупик.

Изначально в теории судебной лингвистической экспертологии необходимо принять за основу гипотезу о том, что в конечном итоге судебная лингвистическая экспертиза является средством обоснования (принятия) юридического решения. Характер общей теории языкознания в исследовательской части судебной лингвистической экспертизы имеет прикладное (служебное) значение и «переводит» предположение о наличии юридически значимых языковых символов «от чувственного восприятия отдельных фактов, признаков, свойств тех или иных объектов, играющих роль доказательств, к логическому осмыслению воспринятого, к рациональному мышлению» [2, с. 2]. Поэтому область познания теории судебной лингвистической экспертизы, описывающая область «полюса» принятия юридического решения, продолжает быть востребованной для научного поиска.

Итак, *правовой язык – это особый стиль общенационального языка, функционально отвечающий задачам кодификации правил нормативного регулирования общественных отношений и служащий для отражения устойчивых стереотипов поведения в правосознании и лингвокультуре*. Правовому языку присуща высокая степень абстрактности, что выявляется при анализе его категорий: мошенничество, клевета, деяние, состав преступления, правоотношение, деликт и др. В то же время правовые категории конкретны, почти каждой из них можно противопоставить конкретные действия и обстоятельства, составляющие содержание этой категории. Характерной чертой языка права является системность правовых понятий (отраслевая тождественность), когда во взаимосвязи и взаимодействии категории языка права описывают определенную область социальной реальности.

На данном этапе развития теории судебной лингвистической экспертизы установилась ее эмпирическая модель отражения – «ключевые для поля *порочить* концепты либо автоматически переводимы из юридической в лингвистическую плоскость и, наоборот, либо тождественны» [4].

Презумпции классической (структурной, системной) лингвистики служат основой выводов экспертизы и судебного решения, и конфликтогенный текст, то есть результат его воздействия, оценивается не по полученному воздействию, а по его *потенциальной возможности*. Этот научный вывод, как принцип стратегической направленности становления юрислингвистики (или теории судебной лингвистической экспертизы), подчеркивает, что теория судебной лингвистической экспертизы имеет собственный обособленный предмет функционирования как отдельная отрасль науки.

Для манифестации языковых маркеров эксперт-лингвист использует весь спектр методов и приемов, предоставленных современным уровнем развития языкознания (прагмалингвистическая семантика, теория речевых конфликтов, теория речевых актов и др.): порочить – инвектива, оскорбительная лексика, модальность, оценочное высказывание, намек, имплицитная информация, игровое преподнесение, шутка, художественное произведение (типаж), план содержания, план выражения. Для правоприменителя «криминалистическая» картина принимает вид обстоятельств, подлежащих установлению по конкретному делу через причинно-следственные связи (логико-семантическая аргументация): порочить – диспозиция правовой нормы, сведения (нарушение законодательства или моральных принципов), мнение, утверждение, юридический факт.

Современный человек индустриального общества – социальный продукт массовой культуры. С одной стороны, в силу развития цивилизации и широкой пропаганды принципов естественного права человек обособляется от общества на фоне осознания своей исключительности и подвергается социальной индивидуализации (ср. правовой концепт «невмешательство в частную жизнь»); с другой стороны, современный человек – это производное *de la société de consommation*, где «воспроизводится и повсеместно распространяется потребительское отношение к культурным ценностям, приобретаемым в досугово-развлекательных целях как предметы купли-продажи» [7, с. 63]. Деформация общественных ценностей ведет к снижению эстетических уровней и интеллектуальных критериев самоорганизации. Все это вполне органично сочетается с основной тенденцией индустриального общества к безграничному производству товарной массы и массовости ее потребителей, создаваемой благодаря массивной рекламе, которая распространяется по каналам массовых средств информации и внедряет в массовую аудиторию *психологию консьюмеризма*, основанную на фетишизации вещизма и товарного изобилия в жизни личности и общества, в жертву которым приносятся духовные идеалы и ценности. Социальный вектор конформизма ведет к созданию в современном обществе устойчивого стереотипа социального поведения, основанного на признаках внешнего благополучия: здоровье (тяжелые заболевания скрываются), уровень достатка (раскрытие источников дохода), социальная перспектива (рост по служебной лестнице), семейное положение (отсутствие порочащих связей, моральные устои), поведение в быту (отсутствие вредных привычек), законопослушность (отсутствие проблем с законом, властью). В русской лингвокультуре утвердились стереотипы массового поведения, характеризующие коммерциализацию общественной жизни: «savoir-vivre», «деловая хватка», «уметь договориться», «заработать любой ценой», «откупиться», «обложить данью», «левый заработок», «положить в карман», «провернуть». Однако цивилизация (развитие человеческого общества) требует от каждого члена соблюдения общепринятых стандартов, несоблюдение которых влечет наложение мер социального контроля.

Пример 1. «В России за гомофобию уволили с работы Николая Т. – политического обозревателя агентства “РИА Новости”. Этот гомосапиенс настолько обнаглел, что в своем личном блоге “ЖЖ”, комментируя прошедший 25 июня гей-парад в Берлине, размечтался о “какой-нибудь мощной бомбе”, которая бы убивала только представителей секс-меньшинств. Настучал на Т. руководству блогер *vrode-nichego*. Его просьбы прокомментировать поведение обозревателя оказалось достаточно для обвинения Николая в нарушении корпоративной этики и последовавшего отказа видеть его в своем коллективе» (Экспресс-газета. 2011. 4 июля).

Современная «перерегистрация ценностей» в условиях информационного общества начинает подчиняться его сетевой логике. На смену восприятию пространства в связи с реальной динамикой социальных отношений и связей людей в их временной практике приходят идеи «поточного пространства», которое вне временных границ образуется из «потоков информации, потоков технологии, потоков организованного взаимодействия, потоков образов, звуков и символов, доминирующих в процессах экономической, политической и знаковой жизни» [18, р. 21]. Эти идеи придают социальной практике фрагментированный характер, а индивидуальному поведению – роль социальных установок (аттитюдов). Поскольку человек осваивает противостоящую ему действительность отнюдь не как заброшенный на необитаемый остров Робинзон, а выступает в этом процессе в качестве общественного существа, его индивидуальная психика включена в систему социальных взаимодействий. Более того, она организована и структурирована при помощи коллективно выработанных, общественно принятых, закреплённых в культуре и совместно присваиваемых средств: слов и идиоматических выражений, представлений, мифов, произведений художественной фантазии, теоретических понятий, различных норм, образцов, эталонов, символов, концепций [1, с. 91]. Плурализм жизненных стилей, распространение «новых» социальных ценностей, столкновение между нарождающейся глобальной культурой и национальными традициями порождают специфический эффект «двойного социального сознания», когда человек определяет свое место на социальной лестнице, исходя то из новой, то из старой системы статута. Социальные ценности постоянно совершают колебательные движения, образуя постоянно меняющиеся *фазовые конфигурации*, которые затем трансформируются в обобщенные социальные ориентации [Там же, с. 122].

Разные подходы в критериях оценки национально-культурного поведения подразумевают формирование разных «деонтических операторов» в диспозициях норм национально-правовых систем, содержащихся в текстах правовых документов [11, с. 6]. Из количественного анализа лексических единиц, содержащих пейоративы в русском, английском и французском языковом сознании, можно сделать вывод, что русскому языковому сознанию свойственно в большей степени оценивать личность по эмпирическому типу оценки (поведение на людях, «по одежке встречают», обличать – выявлять истинное лицо, истинный «лик»); в то время как английскому языковому сознанию свойственно оценивать личность по интеллектуальному типу оценки (интеллектуальная несостоятельность) [8, с. 13]; во французском языковом сознании личность оценивается по моральному типу оценки (испытание доверием; ср. фр. “cretin” – «кретин», от valaisain “cretin” – “innocent”: «невинный, безобидный»).

Одна пейоративная лексика принципиально не может быть обозначением тех явлений, которые квалифицируются с позиций права, а это означает, что концепт «оскорбление» выступает в виде лингвокультурного имени правового запрета, смысл которого квалифицируется по семантическим законам национального языка (т.е. смысл оскорбления извлекается из диспозиций правовой нормы национального закона, который стал суммарным опытом социализации предыдущих поколений). Диспозиция – это «сердцевина» нормы права, смысловое выражение самого правила, требования или запрета, которые содержатся в правовой норме [17, с. 99]. Лексика, характеризующая предмет оскорбления, совместима с объектом уголовно-правовой квалификации «оскорбления», т.е. видом общественных отношений, которым причиняется вред через определение диспозиции правовой нормы.

Признание «свободы слова» требует и признания на законодательном уровне возможности ее ограничения не только этического, морального или культурного, но и юридического. На законодательном уровне прямо устанавливается необходимость ограничивать свободу слова для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности личности. Поэтому речевой выбор негативно-оценочной лексики социальной стратификации запрещен в той части, в которой она входит в сообщение, содержащее информацию, касающуюся частной жизни граждан.

Уголовный кодекс РФ (1996 г.) запрещает распространять информацию, содержащую «публичные призывы к насильственному захвату власти, насильственному удержанию власти или насильственному изменению конституционного строя РФ» (ст. 280 УК). Диспозиция ст. 319 УК РФ предусматривает ответственность за умышленное унижение чести и достоинства представителя власти. Высказывание, содержащее негативно-оценочную лексику профессиональных качеств, выраженное в неприличной форме, в действительном или возможном присутствии хотя бы одного другого лица, способного воспринимать это оскорбление, при исполнении представителем власти своих должностных обязанностей. По своему содержанию оскорбительные действия могут быть унижающими как личное, так и служебное, профессиональное достоинства представителя власти.

Диспозиция ст. 282 Уголовного кодекса РФ «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» устанавливает категоричный запрет на «действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности».

Негативно-оценочная лексика «свойств и качеств человека», направленная на понижение социальной привлекательности личности в обществе, на законодательном уровне получила закрепление в виде диспозиций «Оскорбление» и «Клевета». Общественная опасность «оскорбления» и «клеветы» заключается в том, что, совершая унижительные для личности высказывания, адресат тем самым отрицает ценность индивида как носителя общечеловеческого достоинства.

Технология создания предпосылок утраты социальной перспективы и социальной стабильности имеет речевое происхождение, поэтому теоретические аксиомы из лингвистической конфликтологии «перекочевали» в судебную лингвистическую экспертологию. *Лингвистическая конфликтология – научное направление общественного познания о причинах, особенностях и закономерностях возникновения, развития и*

функционирования вербальных конфликтов, целью которого является выявление и объяснение механизмов, управляющих социальными процессами и их преобразованием в опознаваемые символы лингвокультуры.

Однако теория судебной лингвистической экспертизы вырабатывает свой аппарат научного отражения перверсивных единиц (лат. *perverto* – губить, портить), порождающих вербальные конфликты. В частности, в *лингвистической конфликтологии* продолжается разработка метода интен-анализа текста, о мотивированности намерения автора причинить вред кому-то другому с целью искажения персонального социального портрета лица [3]. Мотивация преступного поведения или определение формы виновности – это прерогатива правоприменителя, поэтому эксперт-лингвист не может опираться на данный вид исследования «процессуальных доказательств». Для предмета судебной лингвистической экспертизы этот лингвистический метод исследования текста является конкурирующим с процессуальной нормой (коллизия процессуального метода доказывания и метода достоверности доказательств), поэтому он исключен из перечня диагностирующих методов. Ни «Практическое руководство по производству судебных экспертиз» [13], ни «Типовая методика судебной лингвистической экспертизы» [15] не содержат ссылок на интен-анализ текста, в силу его прямой «конфликтности» с установлением форм психического отношения к совершенному деянию, что является прерогативой процессуального права, а не лингвистической экспертизы, раскрывающей манифестацию конфликтных смыслов. Этот противоречивый факт (коллизия правового метода исследования доказательств и метода исследования доказательственного материала) нами был описан в 2004 году в диссертации «Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт» [9], однако некоторые видные ученые, занимающиеся проблемами юрислингвистики, продолжают навязывать выведенный из предмета изучения теории судебной лингвистической экспертизы метод как основной в исследовании маркеров языка судебной лингвистической экспертизы [14]. Для общего языкознания анализ функций языка, указывающих на социальные установки «искренности» имеют лишь теоретическое значение [16, с. 41], но для теории судебной лингвистической экспертизы описание намерений автора должно иметь четкие рамки верифицируемости. Невозможность установления правовых критериев «искренности» делает использование интен-анализа для судебной лингвистической экспертизы «нелегитимным». Скрытые речевые импликатуры являются очень удобным средством манипулирования сознанием собеседника, и в частности, выражения негативной оценки, так как автор текста при необходимости всегда может отказаться от вменяемого «скрытого» (имплицитного, подразумеваемого) утверждения [12, с. 114].

Горизонтальная *многолинейность предмета* исследования и *фазовая неустойчивость интерпретации* [10] в судебной лингвистической экспертизе не замыкается только на выборе лингвистического метода манифестации «скрытых» смыслов. Логический эллипс нередко используется как средство понижения социального статуса оппонента или импликатура клеветы.

Пример 2. «Адвокат заработает на смерти башкирских детей 1,5 миллиона долларов» (Комсомольская правда. 2004. 29 июня). Речь идет о юристе, оказавшем семьям детей, погибших в авиакатастрофе, помощь в получении компенсации морального вреда. За свою работу любой адвокат должен получить вознаграждение. Однако автор фразы выносит обстоятельства, связывающие логическую связь «выполненная работа / получение вознаграждения» в импликатурный план текста и путем образного типажа создает «образ корыстного и циничного дельца от юриспруденции». Широкое использование логико-семантических сценариев перенесения компрометирующей информации на лицо находится вне приемов анализа структурной лингвистики. Языковая демагогия нередко бывает связана с нарушением словесных пресуппозиций, т.е. смыслов, которые должны быть истинными, чтобы данное слово не нарушало общего смысла предложения, не делало его ложным или семантически аномальным [Там же, с. 117].

В последние годы серьезно возросла активность резко сниженной лексики и фразеологии в разговорной речи в условиях межличностной коммуникации при неформальном общении. Речевая манера, присущая так называемому нонстандарту, сопровождаемая актуализацией инвективной лексики, охватывает все более широкие, нетрадиционные группы населения, включая женщин и школьниц-подростков, наиболее консервативных до недавнего времени по отношению к обесцененной, вообще инвективной лексике и фразеологии. Эти явления не обошли стороной и книжную речь: резко сниженная лексика преобладает преимущественно в СМИ (в печати и в электронных СМИ, в кинофильмах), в устной публичной речи политического характера, в художественной литературе постмодернистского направления, в частности, в новой волне драматургии и, соответственно, в театральных спектаклях. Как заключает В. Астафьев по поводу широчайшего распространения в инвективной речи, «мерзость теперь окружает нас почти повсеместно. С ней встречаешься уже не только в подворотнях, но порой и на высоких собраниях» (Правда. 1991. 7 декабря).

Чтобы ослабить эффект инвективного воздействия, скрыть истинные мотивы его использования в речи, эмитент в виде стратегического приема применяет игровое обыгрывание при все той же негативно-оценочной характеристике лица или явления. Преподнесение негативной оценки в виде шутки снижает порог критического восприятия, ослабляет интенцию на ответную реакцию. С этой точки зрения формирование в процессе «игрового обыгрывания» иного, альтернативного реальному, мира ослабляет культурный запрет на использование инвективных выражений. Иллокутивная (воздейственная) сила инвектива в игровом контексте оказывается направленной на другой мир, воображаемый, а не на реальных участников общения. Игра, по крайней мере, отчасти позволяет снять с эмитента возможные обвинения в нарушении табу за использование табуированных смыслов. Игровое обыгрывание снижает чувство вины за умышленное нарушение социального запрета [5, с. 298].

Однако игровое употребление инвективных слов и выражений не снижает полностью их иллокутивный эффект. Игровое обыгрывание – это своего рода самовнушение, самооправдание при реальной очевидности

в неблагоприятности речевого поступка, не опускаясь до крайних приемов добиться тех же результатов, что и при обычном инвективном словоупотреблении.

Игровое обыгрывание помещает субъекта повествования в образ мифического героя, который борется с демоническими силами, как когда-то это делал демиург, либо герой недавнего прошлого (ср. «Чью вражескую цитадель-крепость сей рыцарь-воин штурмует... солнце, в неистовой злобе исторгая из груди истошные вопли: “Ну, окаянная тварь, погоди”» (Патриот Кубани. 2003. 16 октября)).

Другой пример игрового преподнесения инвективного смысла стал объектом судебного разбирательства Октябрьского районного суда г. Барнаула (решение от 22.05.97) по иску должностных лиц Алтайского края к Алтайской краевой организации партии «Демократический выбор». Предметом судебного разбирательства стала листовка с содержанием «Положения о присвоении звания “Героя капиталистического труда”» руководителям Алтайского края, сторонникам Коммунистической партии РФ. Указанное положение вводило необычное звание «Герой капиталистического труда», присваиваемое соискателю, который «был в прошлом активистом КПСС, должен преуспевать в рыночных реформах и приватизации государственной собственности, иметь приличный капитал, должен до настоящего времени сохранить верность компартии и активно критиковать рыночные реформы, во всех бедах обвинять Е. Гайдара». Рассмотренное судом «положение» имело ернический (игровой) характер и воспринималось как некая пародия на официальные документы коммунистического прошлого.

Трудности в правовой квалификации в силу неразвитости российского законодательства о диффамации (например, в некоторых европейских странах усматривается оскорбление в неблагоприятных изображениях, рисунках и пародийных куклах), возникают при обвинении редакций пародийных программ таких, как «Куклы», в оскорблении чести и достоинства представляемых субъектов. Конфликт возникает между профессиональными задачами журналистов давать конструктивную критику и несоблюдением мер выхода за границы условности жанра и вхождения в действительность, т.е. также между «слабостью» законодательства и индивидуальной реакцией «персонажей», чувствующих себя оскорбленными.

По принципу понижения личной оценки человека при скрытой форме намерений эмитента построено и употребление в речи некоторых тропов (ирония, сарказм, как и жанр пародии). Ирония – это троп, состоящий в употреблении слова или выражения в смысле обратном буквальному с целью насмешки: например, «почему вы, президент, работаете “штирлицем” в своей собственной стране?» (Стенная газета. 2003. 17 мая).

В указанном выше сообщении нет прямого указания, что объект оскорбления является «предателем». Однако, употребляя окказионализм «работать штирлицем», автор предполагает, что с именем известного разведчика Штирлица-Исаева из популярного кинофильма «Семнадцать мгновений весны» в массовом сознании установилась ассоциативная связь «удачной шпионской деятельности в тылу врага во время Великой Отечественной войны». Образное (Штирлиц – литературный собирательный «герой-образ») и лексическое противопоставление по линии «работать Штирлицем, т.е. шпионом», и «собственная страна» создает «внутреннее» прочтение всего высказывания в том смысле, что президент является «предателем интересов своей страны». В данном высказывании нет прямой оценки «президент – предатель», но при помощи образных средств выразительности (или языковых средств негативной оценки личности) создается негативная характеристика объекта «оскорбления», поэтому при юридической квалификации «оскорбления» в таких случаях возникает сложность толкования. Ни в одной словарной статье современных словарей не будет отражена семантическая связь «работать штирлицем – предательство», установленная через связь «штирлиц – собственная страна». Да и делать это незачем, т.к. для правильной квалификации подобных «лингвистических ухищрений» суды прибегают к комплексной лингвистической экспертизе.

Использование в речи лексических единиц, содержащих крайнюю степень отрицательной оценки личности, приводит к эффекту оскорбленности ввиду семантической и стилистической направленности такой лексикой унижить, опорочить и обесчестить доброе имя кого-либо. Выявления эмоционально-экспрессивных оттенков на основе стилистических помет, помещенных в словарях, бывает недостаточно для правильной квалификации конфликтного высказывания.

По степени мотивированности дать отрицательную оценку и таким способом обозначить свое превосходство, вербальная агрессия против личности подразделяется по степени открытости манифестации своей враждебности по следующим видам: прямая, косвенная, скрытая, инструментальная и эмоциональная вербальная агрессия. Семантический корпус лексических единиц, использующих в прагматических целях оценочный компонент концепта «оскорбление», включает следующие типы номинации искажений действительности:

- 1) создание субъективной оценки социальной привлекательности личности по месту в этносоциальной системе ценностей при помощи обращения к лексике «социального статуса» (педик);
- 2) вербальная дискриминация по национальной, религиозной и половой принадлежности (чурка, еретик, блядь);
- 3) констатация качества исполнения социальных ролей при помощи лексики, которая не связана с описанием общественной деятельности человека (тряпка).

Оценочно-статусное значение лексемы языка, связанное с перформативными условиями речевого словоупотребления, представляет собой конкретизацию норм аксиологического кодекса, сложившегося в лингвокультуре. Таким образом, в языке существуют разряды слов, которые способны в речи отображать в своем словоупотребительном значении скрытые негативные социально-оценочные смыслы, распознавание которых возможно только при анализе многолинейных логико-семантических структур конфликтного текста в судебной лингвистической экспертизе.

Список литературы

1. Андреев А. Л. Политическая психология. М.: Весь мир, 2002. 240 с.
2. Белкин А. Р. Теория доказывания: научно-методическое пособие. М.: Норма, 1999. 429 с.
3. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 512 с.
4. Бринев К. И. О презумпциях лингвистической экспертизы: конфликтные высказывания на шкалах «сведенье/мнение», «утверждение/предположение», «оценка/факт» // Юрислингвистика-7: язык как феномен правовой коммуникации / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 138-154.
5. Буй В. Русская заветная идиоматика. М.: Помовский и партнеры, 1995. 336 с.
6. Голев Н. Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы. Барнаул, 2001. С. 14-29.
7. Землянова Л. М. Зарубежная коммуникативистика на рубеже веков // От книги до Интернета: журналистика и литература на рубеже тысячелетий / отв. ред. Я. Н. Засурский, Е. Л. Вартанова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 61-74.
8. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сборник научных трудов. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 3-16.
9. Кусов Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 245 с.
10. Кусов Г. В. Фазовая неустойчивость детекции скрытых смыслов и теория судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика современной юриспруденции: материалы международной научно-практической конференции. Новосибирск: Априори, 2011. С. 83-92.
11. Палашевская И. В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 23 с.
12. Петрова Н. Е., Рацбургская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. М.: Флинта, 2011. 160 с.
13. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов / под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статкуса. М.: Юрайт, 2011. 720 с.
14. Стернин И. А. О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе // Воронежский адвокат. 2010. № 1. С. 16-21.
15. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы: методические рекомендации / под ред. В. Ф. Статкуса. М.: ЭКЦ МВД России, 2008. 62 с.
16. Черкасова М. Н. Речевые формы агрессии в текстах СМИ: монография. Ростов-на-Дону: Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2011. 123 с.
17. Якушев А. В. Теория государства и права. М.: ПРИОР, 2002. 192 с.
18. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Massachusetts: Blackwell Publishers, 1996. Vol. 1. The Rise of the Network Society. 411 p.

RESEARCH OBJECT MULTI-LINEARITY IN FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE

Gennadii Vladimirovich Kusov, Ph. D. in Philology
Department of Political Science and Law
Kuban' State Technological University
belokurs@yandex.ru

The author reveals the research object multi-linearity in forensic linguistic expertise theory – the science about language and law.

Key words and phrases: expertology; forensic linguistic expertise; language implicatures; implication; concept; discourse; language markers; semantic units phase instability.

УДК 340.1

В статье на основе доктринального анализа выявлены специфические признаки саморегулирования как вида негосударственного регулирования. Автором показано соотношение и разграничение децентрализованного регулирования, индивидуального правового регулирования и саморегулирования.

Ключевые слова и фразы: саморегулирование; децентрализованное регулирование; индивидуальное правовое регулирование; негосударственное регулирование; судебные акты; местное самоуправление.

Юлия Геннадьевна Лескова, к.ю.н., доцент
Кафедра гражданского и предпринимательского права
Самарский государственный университет
yuliyaleskova@yandex.ru

САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ КАК НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ©

Понятие «саморегулирование» многоаспектно, что связано с существованием различных видов общественных отношений. «Дефиниций, - писал В. И. Ленин, - может быть много, ибо много сторон в предметах»